

аналитическую, плоскость, теряет какую бы то ни было внешнюю связь как с исходной ситуацией (поездка в армию), так и с самой военной темой.

Авторские монологи «Родины и чужбины» — объективно самая сильная жанровая форма дневниковой книги, поскольку в ней в наибольшей степени сконцентрировано аналитическое начало произведения и реализована энергия авторского познания и самопознания. Отсюда, по-видимому, можно сделать вывод о том, что дневниковая проза Твардовского живет по законам лирического разветвления. Однако подобное заключение будет неточным — эта проза движется не в монологическом пространстве, но в рамках формы еще более высокого, синтетического порядка — эпической. Медитативный ряд произведения, вобрав и отработав в себе хроникальность, приобретает вместе с тем черты эпичности и становится не просто ведущим рядом образной структуры, но сверхрядом, абсолютной формой дневникового повествования.

Эпичность же в данном случае понимается не только как объективность повествования, реализуемая в летописной тенденции дневника, но прежде всего как объективность содержания самой авторской медитации. Содержанием медитации, или объектом авторского познания, является здесь не «я» писателя, а — Родина, ее судьба, война (война-беда и война-работа, по определению Ю. Буртина). Личное же выступает как инструмент познания этих «объектов». Хотя, с одной стороны, «я» автора абсолютно выявлено в дневнике, причем на личностном уровне, с другой, в процессе разветвления медитации оно часто растворяется в познаваемом объекте. Эпичность дневника выражается, далее, в высочайшей степени обобщения материала действительности, в тенденции к его синтезу, философскому осмыслению.

Имея в виду такого рода эпичность дневниковой книги Твардовского, мы и можем утверждать, что в ней нашло воплощение именно национально-историческое жанровое содержание. В чем конкретно проявляется эпический характер дневникового повествования? Фактография в записях находится под жестким авторским контролем, отсутствует ее самопроизвольная динамика в дневниковом сюжете. События и характеры лишены резких, трагических изломов, крайностей проявления, ибо авторская установка — вычленение в явлениях их типологических, национально-исторических черт. В записях постоянно ощущается присутствие «воздушной подушки» авторского сознания, амортизирующей предметную стихию. Бесконечность жизненной конкретики, пройдя фильтр авторского сознания, спрессовывается либо в мысль, либо в деталь, в которой схвачено самое существенное — и динамика и статистика явлений.

Поток времени и жизни во всех ее проявлениях, идущий сквозь войну своим чередом, своим заведенным вековечным порядком, множественность его антиномических составляющих: жизнь — война (хотя война у Твардовского — тоже во многом жизнь), Родина — чужбина, боль — радость и известная гармония между ними (ни одна из составляющих не имеет выраженной, преимущественной динамики по отношению к остальным) — вот в чем эпичность строя дневниковой прозы Твардовского.

¹ Македонов А. Творческий путь Твардовского: Дома и дороги. — М., 1981, с. 241.

² Твардовский А. Т. Собр. соч. в 6-ти томах. — М., 1978, т. 4, с. 310. Далее цитируется по этому изданию.

³ См.: Банк Наталья. Нить времени. Дневники и записные книжки советских писателей. — Л., 1978.

⁴ См.: Пospelов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы. — М., 1972, с. 169.

⁵ Кондратович А. О прозе Твардовского. — Новый мир, 1974, № 2, с. 235.

⁶ Банк Наталья. Нить времени, с. 133.

И. С. СКОРОПАНОВА

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОИ ПОЭЗИИ А. КУШНЕРА

А. Кушнер — поэт нравственно-философского направления. Его талант отмечен соединением отточенного интеллектуализма со свободной эмоциональной стихией, самоуглубленной рефлексии — со взрывами экзальтации, аналитической строгости мысли — с непринужденной импрес-

снонистической импровизацией. В центре творчества художника — внутренний мир человека, глубинные процессы, совершающиеся в сознании, психике, сфере чувств лирического «я» поэта, история его души.

Кушнер избегает конкретизации биографических и бытовых реалий: его интересуют интеллектуальные устремления, моральное самочувствие, эмоциональные порывы личности. Поэт преимущественно прибегает к прямому самовыражению — через исповедь и самоанализ, нередко перерастающие в этико-философские размышления о жизни («Весь мир, весь этот мир, весь этот», «И дару своему взрослеющий художник», «Мне кажется, что жизнь прошла»)¹. Для таких произведений характерны бессюжетность, ассоциативность, «неупорядоченный» синтаксис, создающие впечатление сиюминутности творимой поэтической речи, ее трепетности, поразительной достоверности и жизненности.

Поэт убежден в том, что не всякое душевное движение, иногда мимолетное и смутноуловимое, поддается словесному обозначению. Вот почему подтекст приобретает в его стихотворениях не меньшее значение, чем афористические авторские определения и формулировки. Некоторые произведения Кушнера можно понять только в контексте всего его творчества. «Стихи выручают друг друга, протягивают друг другу руки, перекликаются, перешептываются, образуют цепь, хоровод, который трудно разорвать»², обнаруживают вязь лейтмотивов, создающих психологический фон для каждого отдельного произведения. В своей совокупности они образуют целостное единство, цементируемое образом лирического «я». Из многообразных мгновений жизни героя встает его судьба, проникнутая страстной устремленностью к идеальному и постоянным внутренним противодействием всему, что способно сломить человека, лишить его существование смысла, счастья, надежды.

Лирический герой Кушнера — человек обнаженной духовности, возвышенных нравственных принципов, натура творческая, высокоодаренная. Внешняя канва жизни героя непритязательна, но ее внутреннее содержание поражает насыщенностью и напряженностью, накалом мыслей и чувств, интенсивностью переживаний. Нормой жизни для лирического героя Кушнера является бытие на пределе человеческих возможностей, максимальная полнота самоотдачи. Он не приемлет существования вполсилы, вполчувства, вполсчастья, одержим жаждой совершенства, которая определяет его отношение к миру. Каждое мгновение жизни герой художника хочет видеть наполненным «смыслом и любовью», предъявляя себе и другим колоссальные требования. «Он весь — перебор, перелет, персхлест» и больше всего страшится самоуспокоенности, «умеренности», обывательского благоразумия.

Погружаясь в беспредельность духовного бытия, отдаваясь прекрасному всей душой, всякую дисгармонию между идеальным и реальным лирический герой Кушнера переживает болезненно. Он не может примириться с тем, что мир несовершенен и человек не огражден в нем от бед и потерь.

Поэт настойчиво выделяет диалектически слитые в сознании лирического героя резко контрастные доминанты постижения бытия:

«В каком мы прекрасном и бедственном мире живем!»;

«Кто нам сказал, что мир у ног // Лежит в слезах, на все согласен? // Он равнодушен и жесток. // Зато воистину прекрасен»;

«Звезда моя! // В плену туманности высокой // Пример счастливого жителя // С невыносимой подоплкой»;

«Жизнь — какой это взрослый, таинственный, чудный кошмар!»

«Не хмурься, подтверди, что жизнь горька, легка, // Горька, легка, горька, но знаешь: смерть не слаще» (выделено мною — И. С.).

По представлениям героя Кушнера, радость и печаль, счастье и боль, надежда и отчаяние соединены в жизни неразделимо. Соотношение же этих категорий в частной человеческой судьбе подвижно и изменчиво. Жизнь способна наделить человека неземным блаженством, сверкать и переливаться всеми красками. Но нередко она оборачивается тягостной,

мучительной стороной, вызывая страдания и боль. Драматическое в жизни осмысливается Кушнером как жестокая реальность, с которой нельзя не считаться:

Как вы страшны, бывшие идеалы,
Как вы горьки — любовные прощанья,
И старых дружб мгновенные обвалы,
Отчаянья и разочарованья!

Невзгоды, обрушившиеся на лирического героя поэта, порою вызывают у него мрачное расположение духа, когда жизнь представляется ему то кошмарным сном, то свирепой дикой кошкой, охотящейся на человека («Эти сны роковые — вранье», «Жизнь кончилась, а смерть еще не знает», «Эти вечные счета, расчеты, долги»). Мучительны для героя, однако, не только «выраженные» удары судьбы. В неменьшей степени тяготит его внешне благополучная, но лишенная всплесков ярких чувств, взлетов и озарений мысли «проза» бытия. Она ассоциируется с застоем, духовной нищетой, атрофией эмоций, и лирический герой противится прозябанию всеми силами души.

Итогом размышлений героя Кушнера над жизнью, дорогой и желанной, но часто причиняющей страдания, несущей утраты и разочарования, явились строки:

Заснешь и проснешься в слезах от печального сна.
Что ночью открылось, то днем еще не было ясно.
А формула жизни добыта во сне, и она
Ужасна, ужасна, ужасна, прекрасна, ужасна.

Как видно из этой «формулы», «ужасное», то есть тяжелое, мучительное, драматическое в жизни, по представлениям героя, перевешивает «прекрасное», во всяком случае — в определенные периоды человеческого бытия.

Ошибочно было бы, однако, упрекать лирического героя в пессимизме. Он любит и принимает жизнь, но принимает ее как стоик — с крепко, до боли сжатыми зубами. При всей хрупкости душевной организации ему оказывается присуща некая внутренняя нестигаемость, позволяющая устоять и тогда, когда никто не в силах помочь (тяготы эпохи, творческие неудачи, безответная любовь). Нравственной поддержкой для героя становятся ценности, способные дать опору личности в самых неблагоприятных обстоятельствах жизни.

Первостепенная роль здесь принадлежит творчеству. Его значение в судьбе героя художника позволяет понять следующее признание Кушнера: «Лирика — это такая раскачка души, которая грозит выбить ее из гнезда. Происходит то сцепление жизни с поэзией, когда уже непонятно, кто на кого влияет: то ли жизнь так невыносима, что остается одно спасение — в стихах, то ли сами стихи требуют от жизни этой остроты и существования на пределе»³.

В творчестве для героя Кушнера сливаются бытие и быт, этика и эстетика, путь к себе и путь постижения высших ценностей. Это естественная среда обитания его духа, жизнь в ее наиболее приемлемой форме: напряженной внутренней работы, вечного поиска, одержимости и созидания. Не случайно поэтому свою судьбу герой часто характеризует образами и категориями искусства. Ориентируясь на вершины художественного мастерства, он самокритичен, часто беспощаден к себе и в то же время неутомим в самоусовершенствовании.

Поэзия не только дает лирическому герою возможность выговориться, излить наболевшее, но и погружает в особую психологическую атмосферу предельной сосредоточенности, напряжения всех внутренних сил, свободного парения мысли, обостренной работы, воображения, вспышек озарения. Творческий процесс приобретает характер нравственного самоотчета, борьбы с мраком в душе, поисков ответа на вопрос: «Как дальше жить?». Герой мысленно обращается к самому широкому кругу жизненных явлений, к различным философским и эстетическим концеп-

циям, размышляет, сравнивает, отбрасывает, анализирует, соотносит с собственными взглядами и судьбой («Отказ от поэмы», «Волна», «Нитенью, ни звездой, ни ветра дуновеньем»). Границы его внутреннего мира раздвигаются, включая в себя пространство земли и космоса, опыт человеческой истории и культуры.

Особенно важным оказывается для лирического героя осмысление духовных исканий и прозрений великих людей прошлого, направленных на то, чтобы сделать мир совершеннее, гуманнее. Лирический герой поэта учится у них умению не склоняться под бременем обстоятельств, оставаться верным своему предназначению, несмотря ни на что («Радищев», «Взметнутся голуби гирляндой черных нот»). Уже сама приобщенность к миру нетленных историко-культурных ценностей, созданных великими, рассматривается им как подарок судьбы («Мягкая зима», «Никогда не наглядеться»). Так, восприятие шедевров архитектуры Ленинграда рождает в душе героя ощущение, «будто сбылось все, что ждал».

Недосягаемое совершенство обнаруживает герой Кушнера в природе, в которой видит нерукотворное чудо, удовлетворяющее потребности людей в красоте, насыщении живым трепетом жизни. Соприкосновение с природой вызывает у него стремление жить «еще полней», «еще вольней», соизмеряясь с идеальным («Сад», «Блеск такой — не нужна никакая цветочная Ницца», «О чем говорил я? Ведь смертные наши слова»).

Показывая, что жизнь практически невозможна без шрамов, ушибов, травм, горечи несбывшегося и невосполнимых потерь, Кушнер утверждает идею нравственной стойкости личности как неотъемлемого условия ее самореализации, осуществления высоких стремлений и свершений. Нравственная же стойкость требует от человека мобилизации всех внутренних сил, повседневного мужества, твердости духа. Вот почему поэт убежден, что «жизнь, в каком-то главном смысле», — «акт героический вполне». Этот «главный смысл» герой Кушнера видит в увеличении доли «прекрасного» на земле.

Лирический герой поэта верит в то, что в его откровениях, сомнениях, разочарованиях, радостях, печалях другие найдут необходимое собственному душевному опыту, станут бескомпромиссной, зорче, одержимей. Действительно, созданный в произведениях художника характер современника, выдерживающего испытание «на излом» и «прозой» жизни, и ее стрессовыми ситуациями, одержимого жаждой самоусовершенствования, творческого созидания, созвучен устремлениям тех, кто дерзает жить по большому счету, не отступая перед трудностями, оставаясь преданным высоким целям до конца. Сближаясь в нравственно-философских исканиях с Ар. Тарковским, В. Соколовым, О. Чухонцевым, Кушнер прокладывает в поэзии собственное русло, расширяет ее возможности в постижении мира и человека.

¹ Произведения А. Кушнера цитируются по сборникам: Письмо. — Л., 1974; Прямая речь. — Л., 1975; Город и подарок. — Л., 1976; Голос. — Л., 1978; Стихотворения. — Л., 1980; Таврический сад. — Л., 1984.

² Кушнер А. Книга стихов. — Вопросы литературы, 1975, № 3, с. 180.

³ Кушнер А. Два Пушкина. — Вопросы литературы, 1977, № 6, с. 112.

А. С. ШЕВЧЕНКО

БАЛЛАДА И. БЕХЕРА «ОРУЖИЕ»

Баллада И. Бехера «Оружие» имеет два варианта, первый из которых включен в сборник «Die hungrige Stadt» (1927), второй — в сборник «Ein Mensch unser Zeit» (1929)¹. Второй вариант включает дополнительно шесть стрóf (1, 4, 6, 14, 18) и имеет в большинстве синхронных стрóf множество изменений грамматического, пунктуационного и лексического характера. Эти дополнения и изменения создают более насыщенную эмоциональную тональность, углубляют психологизм и социаль-